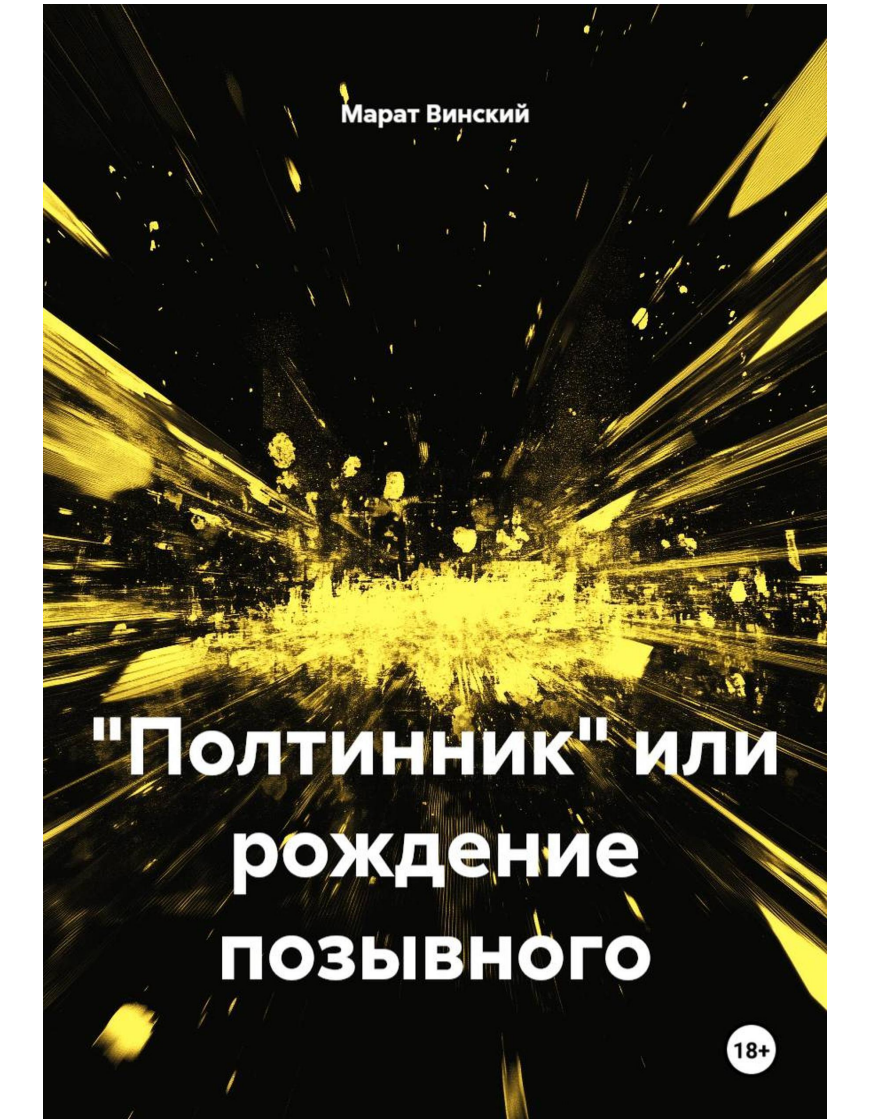

Марат Винский

"Полтинник" или рождение ПОЗЫВНОГО

18+

Марат Винский

"Полтинник" или рождение позывного

<https://litres.ru/74302642>

SelfPub; 2026

Аннотация

Начало похождения солдата, ушедшего на контракт. Все написанное - выдумка, не имеющая отношения к реальности. Впрочем, вы и сами это понимаете.

Марат Винский

"Полтинник" или

рождение позывного

Глава 1

В здании, куда нашу команду поместили в ожидании отправки на задачу, жили и те, кто вернулся в расположение после ранений. Часть народа ждала отпуска, часть назначения на лечение. Они - с костылями, палками, недвижно повисшими и иссохшими от осколков руками и ногами, перебинтованные и закованные в металлические прутья аппаратов Елизарова - обступили нас, предлагая выпивку и требуя выслушать рассказ о военном житье. Практически все были пьяны. Минут через десять многие из нас также напились.

Кадровые офицеры и прапорщики, казалось, сюда опасались даже заглядывать для проверки, а потому вояки, предоставленные сами себе, более походили на банду пиратов – сходства добавляли несколько ковылявших на одной ноге.

«Пираты» словно ждали нас, ведь мы еще необстрелянные и с нами можно поделиться пережитым, выговориться и самое сладкое - напугать. Не скрою, нам также было интересно послушать рассказы бывалых. Впрочем, в большинстве

этих монологов никакой конкретики не было – много про страх, безысходность и тщету всего сущего. Не все «зрители» были так привередливы как я, а потому группы рассказчиков-слушателей тут же организовались в кубриках, курилке, коридоре, туалете и даже душе. Посыл большинства спичей был мрачен - все прибывшие умрут или будут покалечены.

«Зачем ты сюда приехал? Фарт свой испытать хочешь? Тебя или ранят, или убьют. Скорее убьют. Но ранят уж точно. И это тебе повезет. Мы все, кто оттуда вернулся, уроды - моральные и физические. Ты же видишь сам. Пока не поздно откажись... хотя уже поздно. Э-э-э, ты попал», - захлебывался в собственном и чужом сигаретном дыму один из раненых, еле шевеля не слушающейся из-за перебитого нерва беспалой кистью.

После он начал в красках расписывать, как его подбил дрон, как долго и тяжело его тащили по полю, как несколько раз хотели бросить, потому что сначала думали, он уже мертв, а потом, потому что выбились из сил. И все же не бросили. А потом еще, как их прлетели добивать, но так и не добились.

«Че, первый раз едешь? Ты че не понял, куда попал?», - рассказывает другой солдат, худой и хромой. Ему будто все равно, слушает его кто-нибудь или нет. Он смотрит в зеркало и изредка на собеседников, которые также подходят к зеркалу, слушают несколько его фраз и уходят, так и не поняв,

кому он это говорит. «Это же пехота. Автоматом попадешь в «штурма», а там страшно».

Я краем уха захватывал обрывки фраз, но так ни к какой группке слушателей и не примкнул. Мы двигались вместе с моим товарищем Дмитрием, который, хоть и не служил, но был твердо намерен дойти до Одессы. Мне хватало его изречений, да и к тому же оба были трезвы и непугливы.

Уже потом, сам побывав на передовой, понял – большая часть таких рассказов предназначалась как раз для нас – новичков, чтобы напугать или похвалиться собственными подвигами. В большинстве случаев все сказанное было очень большим преувеличением, которое объяснялось либо страхом, либо желанием показаться значительным в глазах других или хотя бы своих собственных.

Рядом с нами периодически мелькал невзрачный невысокий, заросший щетиной мужичок, приехавший с нами. Он переходил от одной кучки народа к другой, слушал, молчал, вопросов не задавал и уходил. Жадно, одну за одной курил сигареты и кусал губы. По всему его виду – лицу, скукоженной фигуре и вытаращенным глазам – было видно – все услышанное и увиденное начинает по-настоящему его тяготить, а рисуемые сослуживцами картины страшить. Он подрагивал и шарил глазами в поисках поддержки или ободряющего слова. Когда садился на табурет, казалось, что он пытался принять позу эмбриона. Он тарасился на всех так как тарасятся больные базедовой болезнью с картинки из школьного

учебника – отчего то именно такое сравнение пришло на ум. В конце концов бывалый люд обступил его со всех сторон, почуяв в нем то ли жертву, то ли благодарного слушателя. Его долбили жуткими подробностями ранений, боев и прочей правдой окопной жизни, будто специально выдумывая и красочно описывая про куски отлетевшей плоти, про разорванных в клочья товарищей. Рассказчикам, похоже, нравилось, как мужичок реагирует на их слова, пугается и чуть ли не на глазах скукоживается. Когда он в очередной раз выбрался из подобного монолога, на лице его был даже не испуг, а просто какое-то недоумение, непонимание. Увидев нас, он жалобно доложил: «Они мне сказали, что я сто процентов буду «двести». Дайте сигарету».

«Что ж, брат. Мы же на войну едем. Всякое бывает», - философски заметил Дмитрий, даже не пытаясь успокоить нашего коллегу и протягивая пачку.

«Ну я думал, ну хотя бы процентов пятьдесят, на пятьдесят выживу», - еще больше понутив голову ответил мужик.

Переглянувшись с Дмитрием мы почти в голос гогоча выдали - «Полтинник». Так у человека появился позывной.